

детей, и сам почувствовал, как жарко у него в груди, будто сердце, заключенное и томившееся в нем, билось долго и напрасно всю его жизнь, и лишь теперь оно пробилось на свободу, заполнив все его существо теплом и содроганием. Он *узнал вдруг все, что знал прежде, гораздо точнее и действительней*. Прежде он чувствовал жизнь через преграду самолюбия и собственного интереса, а теперь внезапно коснулся ее обнажившимся сердцем).

Переворот, свершившийся в душе героя, передан сугубо по-платоновски: миг разрешения душевной напряженности связан с распространением владычества сердца на все существо человека (сравни в «Реке Потудань» — «сердце теперь господствует во всем его теле»). Рушится преграда «ума» (самолюбия и собственного интереса) между жизнью и сердцем героя, — преодолев преграду «умствований», «обнажившееся сердце» прямо касается жизни, и тогда одному человеку становится доступным подлинное понимание существа другого.

В финале рассказа исчерпывающе полно обозначена суть платоновского мотива «возвращения»: «узнал вдруг все, что знал прежде, гораздо точнее и действительнее». Платонов сознательно сталкивает два возвращения Иванова: в начале рассказа и в конце его. Первое — элемент сюжетной коллизии, второе — сдвиг в душевном мире героя (очевидна двузначность названия рассказа).

В рассказах Платонова 30-х годов людям душевно тонким и поэтому ранимым часто противопоставлялись герои победительные, жизнеспособные, но утеравшие на пути к жизненным победам человеческую чуткость, способность сопереживать чужую боль (к примеру, «Третий сын»). В послевоенном рассказе «Возвращение» противопоставленными оказываются два состояния души одного героя. Очерствение сердца — следствие войны (а не сознательного подавления чувства разумом) изживается героем на глазах читателя, в результате сильного потрясения. И изживается, скорее всего, навсегда. В этом высказалась высокая вера Платонова в неиссякаемость человеческой сердечности.

«Память сердца» и «свет жизни» — эти два взаимосвязанных мотива всегда звучали в произведениях А. Платонова. Непрерывен и неизбежен «свет жизни», питаемый «памятью сердца». «Я помню их, ты помни меня, а тебя запомнят, кто после тебя народится, — говорил старый Аким («Свет жизни», 1939 г.) молодой чужой девушке, приютившей его. — Так и будем жить один в другом, как один свет».

Любимые платоновские мотивы воспринимаются современным читателем в их обращенности к творческому наследию писателя; его книги несут «свет жизни», которая ушла, но не исчезла, став частью нашего сегодня, а искусство формирует «память сердца», так необходимую человеку: без нее социальный опыт неполон и недостаточно зрел.